

1959

ПРОТОІЕРЕЙ
ФЕОДОРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ГОЛУБИНСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА.

1855.

66

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

*Профессоръ философіи, Протоіерей
Теодоръ Голубинскій.*

ПРОТОІЕРЕЙ

ТЕОДОРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ГОЛУБИНСКІЙ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Съ портретомъ, работы А. А. Мартынова).

БИБЛИОТЕКА
НОСТРОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 62182

У. М. 5854. 2

МОСКВА.

**ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ,
1855.**

~~378:2P(092)+92~~

378:9(0) + 92

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

Печатать позволяется. Декабря 20 дня 1854 года.

Московская Духовная Академия.

Цензоръ, Профессоръ Протоіерей

Петръ Делицынъ.

КОЛЛЕЖСКОМУ СОВѢТНИКУ

и

КАВАЛЕРУ

ПЛАТОНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

ГОСПОДИНУ

ГОЛУБКОВУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ И ЧЛЕНУ СОРЕВНОВАТЕЛЮ РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ПОЧЕТНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ПОЧЕТНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ, ПОЧЕТНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ, —

съ чувствомъ глубокаго уваженія

посвящаетъ

С. С — 66.

КОПИЯ СЪ ПРАВИЛЬНЫМЪ

КАВАЛЕРЪ

ПРАВОУ ВАШЕГО

УЧЕБНИКЪ

П. П. ГОЛУБИНСКІЙ

Въ 1820 году въ Костромѣ родился 22 декабря 1797 года. Отецъ его служилъ въ то время псаломщикомъ при Костромскомъ Троицкомъ Соборѣ, а въ послѣдствіи времени (съ 1820 г.) былъ священникомъ при градской церкви Іоанна Богослова. Въ 1806 г. Голубинскій поступилъ въ Костромскую семинарію, и въ ней прошелъ полный курсъ ученія риторическаго, философскаго и богословскаго. По окончаніи курса въ 1813 году опредѣленъ въ семинарію информаторомъ грече-

Въ 1820 году въ Костромѣ родился 22 декабря 1797 года.

1820

Въ 1820 году въ Костромѣ родился 22 декабря 1797 года. Отецъ его служилъ въ то время псаломщикомъ при Костромскомъ Троицкомъ Соборѣ, а въ послѣдствіи времени (съ 1820 г.) былъ священникомъ при градской церкви Іоанна Богослова. Въ 1806 г. Голубинскій поступилъ въ Костромскую семинарію, и въ ней прошелъ полный курсъ ученія риторическаго, философскаго и богословскаго. По окончаніи курса въ 1813 году опредѣленъ въ семинарію информаторомъ грече-

Протоіерей Теодоръ Александровичъ Голубинскій, Ординарный Профессоръ философскихъ наукъ въ Московской Духовной Академіи, Дѣйствительный Членъ Академической Конференціи, Санктпетербургскаго Археологическаго и Копенгагенскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ ученыхъ.

Онъ родился въ Костромѣ 22 декабря 1797 года. Отецъ его служилъ въ то время псаломщикомъ при Костромскомъ Троицкомъ Соборѣ, а въ послѣдствіи времени (съ 1820 г.) былъ священникомъ при градской церкви Іоанна Богослова. Въ 1806 г. Голубинскій поступилъ въ Костромскую семинарію, и въ ней прошелъ полный курсъ ученія риторическаго, философскаго и богословскаго. По окончаніи курса въ 1813 году опредѣленъ въ семинарію информаторомъ грече-

скаго языка; въ слѣдующемъ году поступилъ студентомъ въ Московскую Духовную Академію, и здѣсь въ 1818 году окончилъ курсъ съ преимущественнымъ успѣхомъ, возведенъ въ степень магистра и определенъ Баккалавромъ философскихъ наукъ въ Академію. Въ 1820 году за прилежаніе къ должности и преспѣваніе въ познаніяхъ получилъ одобреніе отъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ, назначено ему быть Членомъ Академической Конференціи, и сверхъ философіи возложено на него преподаваніе нѣмецкаго языка. Въ 1822 году за ревность и дѣятельное исправленіе должности Голубинскій получилъ званіе Экстраординарнаго, а въ 1824 Ординарнаго Профессора философскихъ наукъ; въ 1826 определенъ Членомъ Комитета для Цензуры духовныхъ книгъ, и сію должность съ отличною ревностію проходилъ 25 лѣтъ. Въ 1828 году рукоположенъ во священника (съ причисленіемъ) къ Московскому Вознесенскому монастырю; а въ слѣдующемъ году произведенъ въ Протоіерейскій санъ, определенъ Членомъ Академическаго Правленія, и за особенные успѣхи въ преподаваніи философскихъ наукъ получилъ отъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ изъясненіе признательности. Послѣ сего за свою полезную дѣятельность Голубинскій Всемилоствѣйше былъ награжденъ скуфьею (въ 1830), камилавкою (1835), наперснымъ крестомъ (1839), Орденомъ Св. Анны 3-й степени (1846) и 2-й степени (1849). Въ

1842 г. Святѣйшій Синодъ преподавалъ ему благословеніе «за усердіе, способности и нравственный характеръ». Со времени изданія при Московской Духовной Академіи Твореній Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ О. А. Голубинскій принялъ на себя новые труды, какъ Членъ редакціоннаго Комитета. При множествѣ ученыхъ занятій въ Академіи, онъ въ разныя времена исполнялъ возлагаемыя на него Св. Синодомъ порученія; такъ въ 1828 году онъ ревизовалъ семинаріи: Рязанскую и Тульскую, въ 1832 году Калужскую и Тульскую, въ 1834 и 1840 Виоанскую.

При множествѣ и разнообразіи ученыхъ трудовъ, при неутомимой дѣятельности О. А. Голубинскій до 1852 года сохранялъ крѣпость силъ и бодрость духа; но въ началѣ этого года потеря двухъ сыновъ, умершихъ вскорѣ одинъ послѣ другаго, произвела сильное потрясеніе въ его душѣ, которое отозвалось быстрымъ ослабленіемъ силъ тѣлесныхъ, и съ того времени, не смотря на пособія врачебнаго искусства, онъ не могли быть прочно возстановлены. Однако же онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій, хотя и чувствовалъ, что недолго ему осталось проходить земное поприще: кромѣ слабости въ ногахъ, особенныхъ болезненныхъ припадковъ онъ не имѣлъ, но предчувствіе смерти такъ овладѣло его душею, что оно невольно высказывалось въ бесѣдѣ съ его близкими, хотя онъ,

по видимому, сохранялъ при этомъ глубокое спокойствіе душевное; за пять недѣль до смерти онъ писалъ изъ Лавры къ роднымъ въ Кострому:

«Уже мои слабѣютъ силы,

Языкъ тупѣеть, ноги хилы,

Я пересталъ ходить

Въ урочный часъ другихъ учить;

Ищу досуга самъ учиться,

Какъ съ грѣшнымъ міромъ распротиться....

Полѣвка я наукамъ посвятилъ

Въ гостинницѣ земной довольно погостилъ,

Пора вставать и въ путь собираться!

Пора домой! Не вѣкъ скитаться;

Пусть тою же, какъ я, тропой

Въ цвѣтникъ наукъ во слѣдъ за мной

Походить сынъ любезный мой!

А я повѣсилъ ужъ плугъ свой.»

Предчувствіе его не обмануло: 8 августа прошедшаго года онъ поѣхалъ въ Кострому, и здѣсь 22-го числа окончилъ жизнь свою на 57 году отъ рожденія. Последніе припадки болѣзни были съ признаками холеры. Отпѣваніе тѣла совершено было 25 числа Пресвященнымъ Филоосемъ, Епископомъ Костромскимъ и Галицкимъ, который нѣкогда слушалъ уроки его въ Академіи. Протоіерей Іоаннъ Казанскій, при опущеніи тѣла въ могилу, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Почившій о Господѣ братъ! И ты отходишь въ могилу! Давно ли ты участвовалъ въ совершеніи безкровной жертвы,—и вотъ нынѣ совершается надъ тобою погребальное служеніе! Давно ли мы бесѣдовали съ тобою и услаждались бесѣдою,—потому что она растворяема была солю опытной мудрости? Воспоминанія о минувшемъ времени дѣтства, о мѣстахъ воспитанія и первоначальнаго образованія твоего, ты говорилъ: «Слава Богу! Исполнилось давнее и искреннее желаніе мое; я отдалъ должное почтеніе праху родителей моихъ, присныхъ и знаемыхъ; я увидѣлся со всѣми мною любимыми и меня любящими; исполнивъ этотъ долгъ, я остаюсь теперь спокоенъ. Могу ли быть здѣсь еще когда-либо, объ этомъ вѣдаетъ одинъ Всевѣдущій». Но Непостижимый въ судьбахъ Своихъ Господь судилъ остаться тебѣ здѣсь навсегда до всеобщаго воскресенія мертвыхъ, судилъ лежать костямъ твоимъ подлѣ костей родителей и родныхъ твоихъ. Конечно, ты не предполагалъ сего; послѣ свиданія съ отчизною ты готовился въ путь къ мѣсту службы твоей, но Господь указалъ тебѣ иной путь. И мы вмѣстѣ съ Церковію вѣруемъ, что путь, въ который идетъ душа твоя, блаженъ; ей уготовано мѣсто упокоенія, ты почилъ послѣ многихъ трудовъ. Поприще служенія твоего Отечеству сколько было славно и блистательно, столько и многотрудно. О доблестяхъ твоихъ христіанскихъ на сей разъ скажемъ только то,

что ты жилъ болѣе для другихъ, нежели для себя. Ты не только роднымъ, но и никому ни въ чемъ не отказывалъ; добрую память о себѣ оставилъ ты въ сердцахъ многихъ; и признательное потомство, безъ сомнѣнія, вполне оцѣнитъ пользу трудовъ твоихъ.

Достопочтенный Протоіерей Феодоръ! Покойся до того блаженнаго утра, которое взойдетъ и не померкнетъ».

36 лѣтъ О. А. Голубинскій занималъ кафедру философіи, и при отличныхъ дарованіяхъ, обширной учености и неослабномъ прилежаніи оставилъ высокое мнѣніе о себѣ не только въ нашемъ отечествѣ, но и за границу. Многочисленные ученики его разошлись по всеѣмъ предѣламъ Россіи, и руководствовались его уроками въ семинаріяхъ.

Любимыми предметами покойнаго Профессора въ ряду наукъ философскихъ были метафизика и исторія древней философіи; другія части философіи были представлены его помощникамъ. Ученіе откровенное, которое нашъ философъ всегда полагалъ въ основаніе своихъ философскихъ чтеній, было для него пробнымъ камнемъ мудрости человѣческой: отъ этого личнаго его сужденія о предметахъ вышеопытныхъ получали особенную крѣпость и силу. Восходя къ началамъ древней мудрости, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ

Отцевъ и Учителей церкви допускалъ, что лучшее въ ученіи древнихъ философовъ не могло быть порождено самостоятельною дѣятельностію разума, но было заимствовано отъ іудеевъ, которымъ было сообщено Божественное откровеніе. При такомъ направленіи и взглядѣ на науку естественно, что О. А. Голубинскій не питалъ исключительнаго довѣрія къ авторитету позднѣйшихъ основателей разныхъ системъ философскихъ, и въ томъ, въ чемъ другіе хотѣли видѣть опыты новыхъ открытій въ области мышленія, указывали проявленіе идей, давно господствовавшихъ въ философіи востока. Слѣдя за современнымъ ходомъ науки, онъ признавалъ обязанностію указывать своимъ питомцамъ на недостатки новаго германскаго ученія, прикрытаго мракомъ отвлеченностей, подъ которымъ на западѣ видѣли безпримѣрное глубокомысліе и оригинальность. Когда система Гегеля надѣлала столько шума въ Европѣ, Голубинскій возвысилъ голосъ противъ новой мудрости, и увлекательно говорилъ съ кафедры, разоблачая темноту новаго ученія и поражая оное оружіемъ слова, укрѣпленнаго зрѣлымъ знаніемъ философіи всѣхъ временъ, и еще болѣе ученіемъ Откровенія. Эти минуты, въ которыя съ такимъ одушевленіемъ бесѣдовалъ наставникъ, съ достоинствомъ стоявшій за права истины, останутся на всегда памятны его слушателямъ.

Вообще о характерѣ философскихъ изслѣдованій Го-

лубинскаго должно замѣтить, что онѣ отличаются направлениемъ истинно-христіанскимъ. Что касается до внѣшняго состава системы Голубинскаго, то она хотя не чужда эклектизма, но содержитъ много оригинальнаго въ воззрѣніяхъ на предметы метафизики; если онѣ допускалъ выборъ лучшихъ мыслей изъ лучшихъ мыслителей, которыми любилъ украшать свои чтенія, то не иначе, какъ приводя ихъ въ гармонію съ общими началами своихъ воззрѣній и вполне подчиняя ихъ господствующему направленію своей системы.

Надѣленный отъ природы богатыми дарами ума и сердца, Голубинскій постояннымъ прилежаніемъ и глубокимъ вниманіемъ къ себѣ умѣлъ съ успѣхомъ воспользоваться ими. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ замѣчали проблески отличныхъ дарованій, особенное расположеніе къ слову Божию и къ наукѣ: чтеніе Св. Писанія было любимымъ его занятіемъ во всю жизнь, и при той памяти, которою обладалъ онѣ, знаніе Библии, имѣ пріобрѣтенное, было весьма обширно и глубоко. Крѣпкій логическій умъ раскрылся въ немъ по вступленіи его въ Академію, и въ первые же годы наставничества обнаружился во всей силѣ: Голубинскій не обладалъ быстротою и живостію въ выраженіи мыслей, но напротивъ медленно высказывалъ мысль, за то она носила на себѣ печать глубокой обдуманности и зрѣлаго соображенія. Замѣчательное

явленіе въ этомъ спокойномъ философскомъ характерѣ было то, что къ нему присоединялась поэтическая настроенность, которая замѣтна была въ немъ съ отрочества: знавшіе его въ первые годы ученія свидѣтельствуютъ, что будучи 10-ти лѣтъ онѣ зналъ уже на память пять пѣсенъ Виргиліевой Энеиды. Любовь къ классической поэзіи не покидала его во всю жизнь. Независимо отъ занятій богословскими и философскими науками онѣ упражнялся въ изученіи другихъ наукъ, такъ что отъ продолжительнаго и разнообразнаго чтенія пріобрѣлъ свѣдѣнія энциклопедическія. Отличное знаніе древнихъ и новыхъ языковъ дѣлало для него доступными произведенія классической древности и сочиненія ученія и литературныя новыхъ временъ: въ особенности латинскій и нѣмецкій языки были ему такъ извѣстны, какъ природный, и на томъ и на другомъ онѣ могъ объясняться съ полною свободою. Замѣчательно, съ какою строгою внимательностію онѣ занимался чтеніемъ книгъ: большая часть книгъ имѣ прочитанныхъ испещрены его замѣтками всегда дѣльными и остроумными; мысли, которыя ему нравились въ книгѣ, онѣ имѣлъ обыкновеніе выписывать въ свой домашній ученый сборникъ, который отличается удивительнымъ разнообразіемъ и строгостію выбора: тутъ встрѣчаются выписки изъ св. Отцевъ и Учителей церкви, изъ Четыхъ-Миней, избранныя мѣста изъ пѣсенъ церков-

ныхъ, изъ сочиненій Платона и другихъ древнихъ и новыхъ философовъ. Но при всей обширности свѣдѣній онъ былъ до крайности скромнъ и недовѣрчивъ къ себѣ: онъ готовъ былъ высказывать сужденія другихъ о какомъ-либо предметѣ или о какой-либо мысли, но свои собственныя сужденія, особенно въ вопросахъ серьезныхъ, высказывалъ рѣдко и съ нерѣшительно-стію. Отъ этой скромности происходило то, что Голубинскій не хотѣлъ издавать въ свѣтъ своихъ изслѣдованій.

Нравственный характеръ *Θ. А. Голубинскаго* образовался подъ вліяніемъ строгаго религіознаго воспитанія и отличался высокими чертами. Благочестіе и набожность, смиреніе и благотворительность — вотъ свойства его, извѣстныя всякому, кто близко зналъ его! При постоянномъ самонаблюденіи и опытности въ жизни нравственной въ характерѣ его раскрылось свойство духовности, которая была драгоцѣнна для имѣвшихъ нужду въ помощи духовной: слово его проникало въ глубину духа и было отрадно для скорбнаго сердца. Взглядъ его на слабости и недостатки другихъ отличался снисходительною: обязанность христіанскую — никого не осуждать — онъ выполнялъ строго во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ былъ убѣжденъ, что и при недостаткахъ человѣка можно найти въ немъ сѣмя благомыслія. Это прекрасное начало въ его

практической жизни было для него источникомъ многихъ трудовъ. Надѣясь на его снисхожденіе и благотворительность, бѣдные авторы не всегда достойныхъ изданія сочиненій просили его помощи, и доставляли ему трудъ исправлять свои сочиненія или переводы, такъ чтобъ они были годны для чтенія. Общительность и радушіе, съ какимъ принималъ онъ каждого ищущаго его бесѣды или духовныхъ совѣтовъ, усладительность бесѣды, которую умѣлъ онъ вести разнообразно съ внѣшнимъ положеніемъ или внутреннимъ состояніемъ человѣка, привлекали къ нему многихъ изъ различныхъ классовъ общества: эти многообразныя отношенія требовали у него немало времени для переписки, которая у него была довольно обширна; письма его, писанныя даже по какому-нибудь обыкновенному случаю, отличаются высотой нравственныхъ мыслей и теплотою чувства. Представляемъ выписку изъ поздравительнаго письма его къ брату со днемъ ангела: «Сердце мое привѣтствуетъ тебя, незабвенный! Да не отступитъ отъ тебя Ангель — мирный, вѣрный и добрый, наставникъ души и тѣла! Нѣтъ столь нѣжнаго друга и брата, какъ Ангель добрый, приставленный къ каждому изъ насъ съ первыхъ дней младенчества. До самой смерти онъ нашъ спутникъ неотлучный; мы спимъ — онъ бодрствуетъ, храня насъ; мы бѣжимъ отъ него въ грязь и смраднымъ своимъ дыханіемъ отгоняемъ его; — онъ въ маломъ отдаленіи про-

ливаешь о насъ ко Господу слезы, ощущаешь наши болѣзни стократно живѣ насъ самихъ и тихими мачовеніями зоветъ насъ одичавшихъ. Если мы слышимъ какбы изъ отдаленія отзываются воздыханія совѣсти—это его сострадательныя о насъ стenanія; если въ утихшей душѣ внезапно просіяваетъ свѣтлая мысль — это его нѣжнолюбящаго брата подарокъ; если иногда согрѣется сердце къ молитвѣ и мы ощущаемъ охоту оплакивать свои раны и еще подкрѣпляемся надеждой на единственнаго Очистителя и Спасителя душъ — это Ангель хранитель даетъ крылья молитвѣ и старается восподнять насъ отяжелѣвшихъ, подобно какъ птица, неся на собственныхъ крылахъ птенцовъ своихъ, летать ихъ приучаетъ. Желая сердечно тебѣ помнить и стыдиться сего чистаго и свѣтлаго друга! Да принесетъ онъ къ тебѣ въ новой годъ твой въ небесномъ сосудѣ дары благіе, здравіе и цѣлость тѣла, чистоту души, ясность и тишину сердца и любовь къ человѣкамъ!»

При другомъ случаѣ Ѳ. А. Голубинскій писалъ: «ты жалуешься на окружающія тебя пустыя развлеченія, на собственную пустоту и чувствуешь утихающую пылкость характера, чувствуешь себя склоняющимся къ тишинѣ, даже по временамъ хотѣлъ бы нести крестъ тяжелѣ теперешняго и заключаешь все сіе грустнымъ опасеніемъ, чтобъ не лишиться огня души, не упасть

въ безчувственность. Ахъ, мой любезный! Не сѣтуй и не жалуйся на сіе томительное, тяжелое и придавливающее расположеніе души; остановись на немъ, вникни чистосердечно въ причины онаго; перенеси его, хотя бы оно не скоро отъ тебя отвязалось; можетъ быть не далеко то время, когда ты почувствуешь драгоцѣнность и благотворность сего безпокойства и скуки.— Этому такъ надобно быть! Исторія сознанія каждаго живаго, не безчувственнаго человѣка всегда начинается тѣмъ періодомъ, когда, еще не разобравъ себя внимательно, мы увлекаемся чувствомъ и воображеніемъ, незнакомые съ дѣйствительностію опыта, живемъ въ странѣ идеаловъ, и по своему, по прекраснымъ замысламъ воображенія мечтаемъ о людяхъ, о порядкѣ вещей, о ожидающемъ насъ обширномъ полѣ дѣятельности; надѣмся, какъ вступимъ въ жизнь, найдти людей также чувствительныхъ, искреннихъ, прямодушныхъ, не связанныхъ формальностію, какими хотѣли бы быть мы сами; надѣмся, что въ порядкѣ вещей, въ который много вкралось злоупотребленій и нѣтъ жизни, удастся намъ произвести въ своемъ кругѣ благодѣтельныя перемѣны; чувствуемъ въ себѣ живо движущіяся силы и пылкіе порывы, и думаемъ, что отсель выйдетъ нѣчто необыкновенное и великое. Кого какая увлекаетъ идея или мечта, тотъ въ этомъ кругѣ и часть чудесъ. Иного увлекаетъ идея патриотизма, иного — идея истиннаго знанія, иного — человѣколю-

бивыя надежды правосудія и мира между людьми, иного — пламенные чувства благочестія, воскреляемыя великими примѣрами лучшихъ изъ людей — святыхъ мужей; а иной идеаломъ (или идоломъ) своимъ составляетъ и страсть, безъ мѣры привязанную или къ другому предмету, или къ самому себѣ и своему удовольствію, или чести или выгодѣ. Одни изъ сихъ героевъ благороднѣе и любезнѣе, а другіе, и именно послѣдніе, воспламеняются нечистымъ и смраднымъ огнемъ. Но и у всѣхъ сихъ героевъ первыя обнаруженія и, такъ сказать, проторженія ихъ душевной силы обыкновенно бурны, быстры, неумѣренны, и смѣшаны со многимъ излишнимъ, неразмѣреннымъ и даже нечистымъ. Не говоря о неразмѣренномъ и фантастическомъ, нечистое во всѣхъ сихъ пылкихъ устремленіяхъ есть именно вотъ что: своенравіе и самоугожденіе. А доколѣ въ насъ останется это, доколѣ не приучимся къ безусловному послушанію высшему и лучшему закону и порядку заведенному Богомъ, доколѣ послѣдней и любимой нашей цѣлью будетъ наше услажденіе, а не общее благо — вѣчное и истинное благо: дотолѣ нечего намъ радоваться, еще мы не стоимъ на вѣрномъ пути ведущемъ къ лучшему предназначенію нашему, дотолѣ еще не способны къ достиженію самими нами предполагаемыхъ благородныхъ цѣлей. Не въ бурѣ страстей, но въ тишинѣ, покоѣ и ясности приготовляются и производятся дѣла истин-

но великія и благотворныя. Природа даетъ сему указанія. Какъ неисчислимо благотворны дѣйствія свѣта, и какъ тихо разливается свѣтъ! Какъ онъ кроетъ, любосообщителенъ, проникающъ во глубины земли! Не таково самолюбіе, — корень страстей — честолюбія и другихъ, — оно не разливается, но старается все поглотить и вовлечь въ себя, въ свой мрачный центръ. — «И въ человѣкѣ есть свѣтъ и тма,» пишетъ ко мнѣ почтеннѣйшій мой наставникъ, «и потому въ немъ бываетъ покой и волненіе. Весьма нужно намъ замѣтить въ себѣ дѣйствія этихъ двухъ мощныхъ силъ: ибо отъ сего родится смиренное сознание своихъ немощей и молитва къ Спасителю о изведеніи насъ изъ темницы, или изъ глубины тины, которою внутренній нашъ человѣкъ такъ объятъ, что едва дышетъ».

«Для сего-то разобранія въ себѣ двухъ смѣшенныхъ силъ, дѣйствующихъ сліянно въ первыхъ юношескихъ нашихъ порывахъ, и для смиренного сознания своихъ немощей, благое Провидѣніе ведетъ такъ путь нашъ, что или внѣшними препятствіями, или внутренними горькими опытами разрушаются любимыя мечты наши. Разбился худо строенный корабль, и мы выброшены на пустой островъ, гдѣ среди пустыни дается намъ время поосмотрительнѣе и спокойнѣе и попечительнѣе подумать о себѣ, о своихъ прежнихъ затѣ-

яхъ, о ихъ непрочности и о вѣриѣишемъ исканіи спасенія. Такое размышленіе не можетъ быть весело и легко; не обойдется безъ скуки; что дѣлать? Не будемъ унывать! Не малодушіемъ и безчувственностію это кончится, но переменой на лучшее, смягченіемъ сердца, приученіемъ его къ тягостнымъ трудамъ и огорченіямъ, преданностію Провидѣнію, и безкорытною, кроткою, но постоянною любовію къ общему благу».

«Но уже довольно о семь предметѣ: прошу отъ искренняго сердца не сокрыть отъ меня твоихъ мыслей и чувствованій. А я съ своей стороны желалъ бы поздравить тебя съ тѣмъ, что ты начинаешь знакомиться съ величественною наукою самопознанія. Даруй тебѣ Богъ болѣе и болѣе полюбить оную. Это безконечная школа, гдѣ самъ себѣ будешь учителемъ, самъ изъ своихъ сокровищъ будешь извлекать и кроющееся зло — для одолѣнія и истребленія — съ помощію Божіею, и сѣмена добра, для возвращенія, съ помощію же Божіею».

Внутреннему характеру самоуглубленія соотвѣтствовалъ въ покойномъ Профессорѣ внѣшній образъ жизни, отличавшійся простотою патриархальною. Чуждый мелочныхъ заботъ житейскихъ, О. А. Голубинскій не любилъ изысканности и роскоши. Но, не стараясь о

собственныхъ удобствахъ, онъ съ горячностію заботился о благоденствіи своего семейства, самъ занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей, и передалъ имъ негнущее сокровище благочестія, которое поставлялъ онъ во главѣ воспитанія.

Въ лицѣ О. А. Голубинскаго Академія лишилась одного изъ представителей духовной учености, бывшаго ея украшеніемъ въ продолженіи 18-ти учебныхъ курсовъ. Вліяніе его на ходъ ученаго Академическаго образованія было обширно: при рѣшеніи важныхъ ученыхъ вопросовъ, при оцѣнкѣ учебныхъ руководствъ и сочиненій, при обстоятельствахъ, касавшихся внутренняго управленія Академіею, — голосъ его, какъ мудраго и опытнаго совѣтника, былъ всегда уважаемъ. Но его вліяніе простиралось еще далѣе: его ученія наставленія, его благочестивые совѣты, какъ дорогой даръ, принятые умомъ и сердцемъ множества учениковъ его, были относимы каждымъ на мѣсто его служенія, и тамъ приносили плоды. Утѣшительно было старцу воспоминать имена многихъ изъ нихъ, бывшихъ нѣкогда слушателями его уроковъ, а нынѣ занимающихъ кафедры святительскія. Радостно было видѣть ему, что и лѣта и обстоятельства не умалили въ бывшихъ ученикахъ его искренней привязанности и любви къ своему наставнику. Съ своей стороны и онъ хранилъ въ сердцѣ ихъ образъ, съ участіемъ слѣдилъ за ихъ

судьбою, записывалъ, гдѣ кто изъ нихъ и какъ поставленъ Промысломъ, и благодарилъ Господа за ихъ благосостояніе.

Стяжавъ своею ученостію и своимъ нравственнымъ характеромъ извѣстность въ сословіи духовномъ, О. А. Голубинскій приобрѣлъ славу и между свѣтскими учеными, и былъ уважаемъ иностранными учеными, изъ которыхъ съ нѣкоторыми велъ ученую переписку. Представляемъ отзывы о немъ одного изъ нашихъ ученыхъ и одного изъ иноземныхъ. Вотъ что пишетъ извѣстнѣйшій изъ Профессоровъ Московскаго Университета С. П. Шевыревъ:

«Въ числѣ лучшихъ моихъ духовныхъ приобретений у Троицкой Лавры я считаю личное знакомство и троекратную бесѣду съ Θεодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Въ Ильинскомъ предмѣстіи, въ укромномъ домикѣ живетъ почтенный представитель христіанской философіи у насъ. Простота и смиреніе осѣняютъ его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника — мудреца. Лицемъ и особенно глазами напомнилъ онъ мнѣ Шеллинга, котораго я видѣлъ въ первый разъ также въ сельскомъ уединеніи около Мюнхена. Таже ясная голубизна въ глазахъ, таже дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть; въ чертахъ русскаго мудреца господ-

ствуетъ спокойное самоуглубленіе. Такова и тихая рѣчь его, которая всегда тепла, но вспыхиваетъ живѣе при выраженіи радушія и участія:

«Въ сельскомъ пріютѣ своемъ О. А. Голубинскій живетъ, окруженный тремя сыновьями, изъ которыхъ двое съ отличномъ успѣхомъ проходятъ курсъ въ Виѳанской семинаріи, а третій еще готовится дома. Я слышалъ одинъ урокъ. Мнѣ особенно понравилась ясная кротость наставника семинариста, противоположная крикливой настойчивости, которая не даетъ разума ученію.

«Кругомъ по стѣнамъ пріемной комнаты развѣшаны портреты нѣкоторыхъ лицъ, просіявшихъ духовною жизнію. Тутъ вы увидите Тихона Воронежскаго, Серафима, отшельника Саровской пустыни, Павсіа и Георгія, затворника Задонскаго.

«Многіе гости изъ Москвы, любя бесѣду Θεодора Александровича Голубинскаго, навѣщаютъ его здѣсь охотно. Ему передаютъ они вѣсти о шумномъ движеніи западнаго міра. Съ участіемъ внимаетъ всему радушный хозяинъ, но и съ спокойствіемъ, котораго ничто не взволнуетъ. Эта тишина мысли и слова въ чловѣкѣ, привыкшемъ къ самоуглубленію, дѣйствуетъ успокоительно на насъ, людей, живу-

щихъ въ томъ мірѣ, гдѣ разумъ неразлученъ съ страстью и почти всегда подчиненъ ей.

«Бесѣда О. А. Голубинскаго имѣеть двойной характеръ. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который бы умѣлъ такъ строго править силами души въ своемъ разговорѣ и такъ разграничивать сферы, въ которыхъ вращаются его мысли. Этихъ сферъ двѣ: Религія и философія, живущія въ духѣ его слитно и согласно. Изъ обѣихъ сферъ равно почерпалъ онъ предметы для своихъ бесѣдъ, обѣ равно ему доступны. Когда говоритъ онъ отъ философіи, въ рѣчи его выражается ясное и спокойное сознаніе разума, въ расположеніи мыслей господствуетъ строгая логическая отчетливость, и каждое слово точно и опредѣлительно. Когда говоритъ онъ отъ Вѣры, онъ весь полнота умиленнаго чувства, и слово его растворено любовію, а украшено одною простотою, истекающею изъ глубокаго искренняго смиренія. Тогда слово его понятно будетъ ребенку и простолюдину.

«Въ такомъ случаѣ онъ любитъ рассказъ или притчу. Не могу здѣсь не вспомнить одного событія, которое онъ мнѣ передалъ. Оно случилось еще при Императрицѣ Екатеринѣ II. Одинъ сельской священникъ пересталъ служить вовсе обѣдно, потому что никто изъ прихожанъ не ходилъ въ церковь. Тогда

настоятель сосѣдняго монастыря, узнавъ о томъ, далъ ему совѣтъ служить для Ангеловъ, говоря, что они шепнутъ своимъ и приведутъ ихъ за собою. Священникъ послушался совѣта, началъ служить, — и въ самомъ дѣлѣ церковь мало по малу опять наполнилась прихожанами.

«Наша мысль, увлекаемая свободою разговора, весьма часто переходила изъ одной сферы въ другую. При этихъ переходахъ, въ особенности, могъ я видѣть опытность мудреца, превосходно владѣющаго логическимъ разумомъ и теплымъ чувствомъ въ своемъ словѣ. Всѣ системы Германской философіи ясно проносятся въ его головѣ. Изложеніе его, когда говоритъ онъ о наукѣ, сохраняя ученый характеръ, вовсе чуждо темноты, и ясною глубиною свидѣтельствуетъ о совершенномъ знаніи предмета.

«Мнѣ было пріятно заслушиваться этой рѣчи разумной, ученой и ясной, которая вливала мысль въ мой разумъ, свѣдѣнія въ память и тишину въ сердце. Я позволялъ себѣ думать: что если бы эти уста отверзлись для того, чтобы передать исторію науки наукъ не одному академическому, но и университетскому нашему юношеству? Съ какою жадностію оно бы стало слушать ученаго старца! Сколько бы пользы произошло отсюда! А передавать науку такъ легко для его опытности; такъ, кажется, все готово и

все созрѣло здѣсь для передачи, и съ какимъ радушіемъ сообщается знаніе его владѣльцемъ, какъ будто это не личная его собственность, а достояніе всѣхъ (*)».

Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 году и бесѣдовавшій съ Голубинскимъ, говоритъ о немъ въ своихъ путевыхъ запискахъ слѣдующее:

«У меня было рекомендательное письмо къ священнику Θεодору Александровичу Голубинскому, Профессору Троицкой Академіи. Это одинъ изъ весьма ученыхъ и образованныхъ между духовными лицами, какихъ я только встрѣчалъ въ Россіи. Съ самою обширною классическою ученостію онъ соединяетъ совершенное знаніе иностранныхъ литтературъ и нѣмецкой философіи, которую изучилъ онъ до основанія. Признаюсь, я былъ чрезвычайно изумленъ, услышавъ, какъ глубоко и вмѣстѣ какъ понятно русскій священникъ разсуждаетъ о Шеллингѣ, Гегелѣ, ихъ направленіи и школахъ. Онъ спрашивалъ меня о жизни и личности многихъ изъ нашихъ нѣмецкихъ ученыхъ, между прочимъ о Шлейермахерѣ, Неандрѣ, Гегелѣ и Шеллингѣ. Я съ своей стороны спросилъ его, что

(*) Поездка въ Кирило-Бѣлоз. монаст. Москва. 1850 ст. 20 и слѣд.

онъ думаетъ о Гегелѣ и его системѣ. Онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, Гегель много сдѣлалъ для уразумѣнія, изложенія и объясненія всѣхъ другихъ системъ философическихъ; но что его система, вѣроятно, не была удовлетворительна какъ для него самого, такъ и для его слушателей. Что касается до Шеллинга, то онъ, по его словамъ, отъ одного берега отсталъ, къ другому не присталъ. Не смотря на то, что Ѳ. А. Голубинскому рѣдко представляются случаи говорить по-нѣмецки, онъ изъясняется на этомъ языкѣ очень правильно и чисто, только нѣсколько медленно по недостатку практики. Лице его прекрасно и дышетъ умомъ; какая-то особенность въ приемахъ, соединенныхъ съ граціозною и почти дѣтскою простотою, придавала ему невыразимую прелесть. Онъ съ величайшею услужливостію показывалъ мнѣ все замѣчательное въ Троицкомъ монастырѣ, и мнѣ удалось по этому случаю замѣтить, до какой сильной степени онъ былъ набоженъ и приверженъ къ своей религіи (*).

(*) Etudes sur la situation interieure etc. de la Russie par Haxthausen. Hanovr. 1847 vol. 1. pag. 63.